

Уильям Кроун

Понимание глобализации через критические гендерные перспективы

Глобализация является сложным термином, потому что он используется для описания множества процессов с их слишком общим значением, представляющими собой "растущую взаимозависимость и взаимосвязанность современного мира" (DFID, 2000). Широкое значение глобализации с натяжкой подходит к области исследования в международной политической экономике. Тем не менее, фокусирование на вопросах экономической глобализации обусловлено общими усилиями, которые направлены на открытие новых путей исследования, которые направлены на выявление новых эффектов глобального распределения производства и потребления. Международное сообщество сузилось на консенсусе принципов свободной торговли и снижении торговых барьеров, что является результатом ряда многосторонних торговых переговоров под эгидой международного соглашения (HoLSCEA, 2003). Это впоследствии повысило транснациональные корпорации до мощных высот такой степени, где всего лишь пятисот транснациональных корпораций контролировало семьдесят процентов от всей международной торговли (WTO). В основе господства транснациональной компании лежит ее зависимость от надежных резервов недорогой рабочей силы и от благоприятных тарифных условий в зонах, выделенных на производство экспортных товаров (EPZs). Производство, сборка и технологии промышленности, которые доминируют в зонах экспортного производства, таких как Южный Китай, Гонконг и Малайзия, для некоторых «рекламных мальчиков» глобальной политики либерализации, воплощающим экономического чудо, как говорят, стало через экспортоориентированное производство Восточной Азии. (Чьюнг, 1999: 133). Процесс прямых иностранных инвестиций в эти зоны, в которой транснациональные компании, процветающей на принимающей стране, либерализованной политикой свободной торговли, был описан экономистом Джоном Даннинг (2002: 246), как и «прогрессивный поиск», и «прогрессивность» в том, что теперь стало новым веком глобального производства.

«Прогрессивная настойчивая перспектива» Даннинга пропагандирует идеи фирмы в качестве нейтрального и рационального игрока в мировой экономике. Тем не менее, это было тщательно оспорено учеными института политической экономики. Критические перспективы этой либеральной ортодоксии оспаривают такую деполитизацию процесса производства и воспринимают нейтралитет рыночного влияния на действие в системе свободного рынка (Elias, 2005: 205). Карл Поланьи придает особое значение необходимости рассмотрения рынка и ключевых его деятелей как внедренных внутрь систем общественных отношений, оказавшим глубокое влияние на те фирмы, а позже транснациональная компания также была сконцентрирована на этом. Поланьи (2001) подчеркнул необходимость рассматривать рынок и основных его участников как встроенных в систему общественных отношений. Проще говоря, Поланьи проложил путь, глядя на транснациональные компании как на совокупность элементов, создающих реальные социальные отношения власти. В основе этого понимания лежат исключение и неравенство.

Этот очерк посвящен определенной оси неравенства, а именно гендеру. Я сначала расположу исследование гендера наряду с традиционной критической осью неравенства, классом. Поступая таким образом, я надеюсь показать, как гендер в качестве динамического неравенства выходит за рамки традиционного анализа класса и предлагает новое понимание социальных отношений, усугубленных глобализацией производства. Затем я продемонстрирую, как критические гендерные перспективы улучшили наше понимание конкретной работы транснациональных компаний в Китае и Малайзии таким образом, когда ранее было невозможно включить гендер в качестве критического режима анализа. Я предполагаю, что гендерные аспекты добавляют определенные слои сложности к нашему пониманию женщин на

рынке труда. Наконец, я буду опираться на более широкие последствия гендерных аспектов в развитии нашего понимания структуры производства.

Всюду в этой статье я буду чувствителен к конкретной формулировке вопроса, который направлен на решение критического гендерного вопроса института политической экономики, способствующему улучшению нашего понимания глобализации. Слово «улучшение» указывает на дополнение к тому, что было прежде. Я буду утверждать, что действительно критическая точка зрения гендера опирается на традиционную динамику социального неравенства, например, класс и этническую принадлежность. Тем не менее, мне бы очень хотелось продемонстрировать, как значимость этих традиционных динамик все еще существует в гендерной литературе. Такие характерные особенности класса и этнической принадлежности могут привести к размыванию, что социолог Бурдьё назвал "центральной осью" гендера, как динамика, социальная дифференциация и неравенство (Bourdieu in Truong, 1999: 147). Поэтому, я буду утверждать, что определенные гендерные перспективы, которые способны продемонстрировать «гендер» в качестве ключевого явления динамических процессов в работе фабрик, вышли за рамки изменения нашего представления в соответствии с современной динамикой глобализации производства.

Пониманию гендера как видимой категории анализа предшествовал более традиционный анализ социальной изоляции. Поэтому очень важно расположить «гендер» наряду с классовым анализом, чтобы продемонстрировать его уникальные аналитические возможности. По сути, марксистский подход к классу не делает различий между мужчинами и женщинами (O'Brien и Williams, 2010: 284). В марксистском анализе понятие класса вытекает из отношений, стоящих вокруг способа производства и включается в категорию уже всех существующих социальных подразделений. Эта категоризация создает разделение, вызванное гендером, невидимой центральной категорией класса (O'Brien и Williams, 2010: 284). Эффект такой гендерной невидимости означает, что статистика с участием пола, такая как «... в 2000 году на долю женщин приходится 80 процентов рабочей силы в экспортных отраслях государств Юго-Восточной Азии», не представляла бы интереса с марксистской точки зрения, учитывая, что рабочий класс не имеет гендера (Randriamaro, 2006). Тем не менее, именно такая статистика имеет значение для тех, кто обращается к теме с гендерной точки зрения. Гендерная проблематика поэтому спрашивает, почему и при каких условиях женский труд востребован в этих зонах?

В то время как Маркс предшествовал «глобализации производства» в его нынешнем виде, некоторые влиятельные марксистские писатели восстановили классовый анализ для изучения динамики фирмы. Майкл Буравой (1985) расширяет теорию трудового процесса Маркса, привлекая более сложные концептуализации того, как на рабочем месте формируется политика. Буравой развивает понимание различных режимов завода, которые могут применяться как альтернативные методы политического контроля внутри фирмы. Как марксист, Буравой отличается от Маркса, рисуя более сложную картину того, как могут проявляться системы классового управления. Буравой делает акцент на осевой эксплуатации как «производстве аппаратов», которое может воспроизводить социальные отношения господства, такие как пол и раса, происходящих за пределами производства (Burawoy, 1985: 14). Однако, для Буравого важно как гендерное существует вне производства, и он дает понять, что он отдает приоритет классу, который затем поглощает внешние отношения господства. Для Буравого поэтому, гендер по-прежнему не в том, что определяющее значение в процессе «зависит от конкретных людей, которые приходят на работу, в частности, способов производства» (Burawoy, 1985: 39).

Роберт Кокс (1999: 9) утверждает, что «глобализация производства является восстановлением мировой рабочей силы таким образом, чтобы оспорить понятия классовой культуры

девятнадцатого и двадцатого века. Хотя это и убедительное заявление, но напрашивается вопрос, что может заполнить пустоту? С ростом признания того, что часто женщины зависели от работы в зоне экспортного производства, ответ лежит в некоторой степени, как я покажу, в способности гендерных аспектов для того, чтобы пролить новый свет на конкретные процессы.

Пакет аграрных реформ в Китае, реализованных в 1980-х годах, значительно поднял производительность сельскохозяйственного производства. Однако, с другой стороны медали, был неизбежным быстрый рост безработицы в сельской местности Китая (Lee, 1998: 41). Предполагается, что к середине 1980-х годов, от 30 до 40 процентов сельских трудовых сил Китая было профицитом требований сельскохозяйственного производства (Lee, 1998: 41). Когда китайское государство постепенно подняло нормативные барьеры для сельско-городской миграции, количество трудящихся-мигрантов увеличилось, насчитывая более 80 миллионов, с указанием количества избыточной сельской рабочей силы и привлечением зон экспортного производства и прибрежных городов как мест работы (Chan, 2001: 7). Аналогичную картину можно увидеть в недавнем социально-экономическом прошлом Малайзии. Новая экономическая политика протолкнула правительство Малайзии в 1970-х. Это означало, что экспортно-ориентированные производства были высоко на повестке дня для страны (Crisis, 2002: 154). Кроме того, увеличение прямых иностранных инвестиций в 1970-х и 1980-х гг. приходится на избыточную сельскую рабочую силу и иностранные трудовые резервы, которые были поглощены промышленной рабочей силой (Crisis, 2002: 155). Действительно, такой спрос на рабочую силу был настолько велик, что к началу 1990-х годов Малайзия достигла полной занятости (Crisis, 2002: 155). В дискурсе экономизма такие примеры выступают в качестве экземпляров уравнивающего действия рыночных сил после отступления правительства от регуляторной политики. В самом деле, можно сказать, что в обоих случаях прямые иностранные инвестиции и государственная политика дерегулирования подтолкнули на образование неэффективного избытка рабочей силы в сфере сельского хозяйства вместо занятости в сфере промышленности. Марксистский социальный анализ альтернативен, но столь же упрощенно можно объяснить эти два примера как преобразование сельского крестьянства в городской рабочий класс.

Гендерный подход, однако, подчеркивает недостатки экономического подхода и марксистского социального анализа. Гендер сам в состоянии обеспечить более детальный анализ рынка труда, который ближе к социальным, политическим и экономическим обстоятельствам Китая и Малайзии. Как либеральный, так и марксистский дискурс, в то время были концептуальны, предположим, что на рынке труда они являются социально и культурно однородными. Категория «городского рабочего класса», например, не имеет места для альтернативного способа объяснения состава рынка труда, в зависимости от конкретного локализованного контекста, из которого она была сформирована.

В этом тупике марксистской классификации критическая точка зрения гендерного понимания предлагает более сложную, но локализованную форму категоризации. Например, новая категория «Mingong» или «крестьянские рабочие» бросает вызов традиционной марксистской поляризации «сельского крестьянства» и «городского рабочего класса» (Pun, 2004: 32; Smith and Pun, 2006: 1461). Путем объединения обоих, Пан, ученый по гендерным вопросам, принимает то, что ближе к историческому, социальному и культурному образу Китая. Благодаря хукоу-системе в Китае, которая формально определяет, где человек живет и работает, традиционно сельским жителям было запрещено переселяться в города. Тем не менее, ослабление системы регистрации в Китае с 1980-х годов создало ситуацию, когда есть временные гражданства в городах и поселках для сельских жителей (большинство из которых составляют женщины) (Huang, 1999: 92). Так как эти гражданства носили временный характер, контракты с временными рабочими были нормой в этих зонах, это были низкооплачиваемые контракты и

недолгие (в большинстве случаев контракты длился всего один год) (Chan, 2001: 9; Pun, 2004: 32; Smith and Pun, 2006: 1461). В то время как категория Маркса «рабочий класс» не захватывает этот нюанс трудовых ограничений в Китае, где сельские жители не преобразуются полностью в единый однородный класс, гендерные аспекты предлагают новые концептуальные пути, чтобы понять эти уникальные процессы.

Аналогичным образом, гендерные исследования в рамках малайзийской рабочей силы также использовали более сложные формы категоризации, которые расширяются постоянно. Исследование Хуанита Элиас (2005) привело ее в цех транснациональной компании в Малайзии, чтобы понять социальную жизнь завода как более сложную, чем просто однородный «рабочий класс». Элиас (2005: 210) утверждает, что малайские сельские женщины в большей степени, чем городские китайские женщины, были направлены на работу транснациональной компании, до такой степени, что фирма платит за проезд, чтобы привлечь новых призывников из сельской местности. Элиас поэтому понимает состав рабочей силы не только как нейтральное пространство, где малайское сельское население составляет большинство, но и как одно из оснований конкретного неравенства в обществе. Этому способствует принятие новых категорий. Для обоих, и Пуна (2004), и Элиас (2005), этническая принадлежность является ключевым определяющим фактором в привлечении женского труда на завод. Это «сельское крестьянство» трудящихся женщин в Шэньчжэне, которое делает их гражданами второго сорта в соответствии с исследования Пуна (2004: 32), и это «малайский сельский этнос», что, согласно Элиас (2005: 209) имеет коннотацию из «послушания и усердия», то есть они ценятся в работе на фабрике в Малайзии. Более того, исследования, проведенные на повседневных формах сопротивления в пределах рабочего места в Малайзии, обнаружили, что они служат только для того, чтобы поддерживать стереотипы проводимых мужским управлением сельской малайской женщины как «иррациональной» (Elias, 2005: 211; Ong, 1987). В то время как Элиас (2005) и Онг (1987) утверждают, что это корм в дискурсе гендерного господства, где рациональное (мужчина) доминирует над иррациональным/ эмоциональным (девушкой), нужно оспорить такой редукционизм. В самом деле, в равной степени можно утверждать, что это тот факт, где сельские малайские женщины выступают в качестве иррациональных в глазах руководства. Кроме того, тот факт, что женщины китайского происхождения в Малайзии занимают высокие посты власти на заводах еще раз подчеркивает важность этнической принадлежности в качестве оси неравенства по гендерному принципу (Crinis, 2002: 163).

Гендерные перспективы «способны отражать нюансы различных обществ», рынки труда, культуру, расширить наши представления о процессе привлечения женщин в работу завода, который является ключом к мировому разделению труда. Привлечение этнически видимого рабочего класса, например, большого количества женщин, занятых в зонах экспертного производства можно объяснить эффектами, имеющими сельскую направленность в Китае и Малайзии. Набор кадров в сельских районах Малайзии, а также временный крестьянско-рабочий статус в Шэньчжэне, это вопрос о либеральном понятии нейтрального спроса и предложения на вербовку и марксистском понятии однородного рабочего класса. Сказав это, однако, фундаментальное значение для этих гендерных аспектов играют характерные особенности этнической принадлежности, которые выступают в качестве важнейших факторов, определяющих идентичность женщин. В обоих случаях кажется, что префикс «сельский» определяет свою судьбу, а в некоторых ими являются «женщины». Действительно, Хуан (1999: 98) подчеркивает, что рабочие места, заработная плата и условия труда женщин-мигрантов были существенно хуже, чем у местных женщин. Это подчеркивает важность сельской идентификации, будучи одним из важнейших факторов. Это трудно понять, в этих условиях гендер может играть важную роль. Хотя эти исследования развивают наше понимание,

указывая на характерные особенности этнической принадлежности, гендер по-прежнему размыт в качестве оси неравенства.

Более сравнительные гендерные аспекты (Lee, 1998; Кринис, 2002) в состоянии выяснить как «гендер» сам по себе может быть критической динамикой, которая определяет движение на рынке труда. Сравнивая отдельные заводы в стране исследования, определенный гендер может показать как изменяется локализованная гендерная динамика формирования решений женщин на рынке труда (1998: 160). Ли, изучивши два южных завода Китая, принадлежащих транснациональной компании Liton, в Шэньчжэне и Гонконге, демонстрирует, как, несмотря на то, что оба они имеют различную социальную структуру, «гендер» определяет размеры труда рынка. Ли (1998: 83) утверждает, что он имел личное восприятие "соответствующей работы", которая была одним из главных факторов в молодом женском коллективе на заводе в Шэньчжэне. Через обширные интервью Ли показывает, что работа для молодых женщин из сельской провинции Гуандун на фабрике была признана «морально приемлемой», в отличие от работы в салонах и ресторанах (Lee, 1998: 83). Тот факт, что за морально неприемлемую работу часто платят больше, чем за работу на фабрике, предполагает, что дальнейшие полномочия принятия решений, основанных на личном выборе не следует недооценивать (Lee, 1998: 83). Кроме того, это было другое понятие женственности, что регулируется решениями более старших замужних женщин, вступающих в трудовую деятельность на заводе Гонконга. Желание завода повторно ввести оплачиваемую работу и отстаивать определенные семейные обязанности основывались на гибком рабочем часовом графике завода и гибкости в предоставлении отпуска (Lee, 1998: 102). Наоборот, Кринис (2002: 159) отмечает, что в Селангоре (Малайзия) решение пожилых женщин об участии в «домашнем задании» (работы по подряду производства) также вступило в спор с представлениями о женственности и семейных обязанностях. Замужние женщины в Селангоре предпочитают работать на дому для того, чтобы воспитывать детей (Crisinis, 2002: 159). Более того, эти решения, были приняты вне зависимости от уровня заработной платы (Ли, 1998: 105). Ли отмечает, что повышению заработной платы, но ужесточению часов в ресторанах Гонконга не отдается предпочтение по сравнению с работой на фабрике. Похожие, но более экстремальные условия преобладали в Малайзии, где женщины решили отказаться от повышения заработной платы, праздники и дополнительные льготы для того, чтобы работать на дому (Crisinis, 2002: 159). Такая гендерная проблематика, тем самым, определяет «женственность» как основную черту в движении на рынке труда. В понятии гендерной проблематики «женственности» подчеркивается важность принятия решений в рамках конкретного социально-культурного контекста, который мог бы противоречить с «экономической рациональностью» и предполагаемой мудрости спроса и предложения. Это также предполагает, что ни статус, ни национальность, в действительности не являются основными факторами принятия на работу в диктующем движении на рынке труда.

До этого момента я показал, как гендерные аспекты улучшают, а в некоторых случаях, изменяют наше понимание того, как женщины были втянуты в процесс производственных работ в зонах экспортного производства. Однако, для того, чтобы расположить эти перспективы в рамках более широкой картины изменения характера глобального производства, мобильности капитала и разделения труда, я буду заниматься дискурсом дислокации производства и контроля. Один из самых влиятельных мыслителей по этой теме Мануэль Кастельс (1996: 475), отмечает растущую дислокацию, происходящую в глобализирующемся производстве, в силу которых труд по своим характеристикам, фрагментированных в его организации, диверсифицирован в его существование. Такая дислокация разделена по коллективным действиям. Для Кастельса характер производства визави транснациональной компании становится все более фрагментированным. Эта фрагментация играет им на руку, так как она организована таким образом, чтобы извлечь максимальную прибыль за счет этого свободно присоединенной сети производства. В рамках этой системы глобализации труд теряет свою

коллективную идентичность, капитал существует далеко от процесса труда, и социальные производственные отношения отключены. Пока Кастельс, конечно, не предлагает «гендер» институту политической экономики, но гендерная проблематика имеет потенциал чтобы украсить теоретическую основу Кастельса с реальными примерами того, как труд может быть фрагментирован, и поэтому контролируется по оси от гендера.

Смит и Пун (в 2006 году: 1460) понимали общежитие режима труда на фабриках Шэньчжэнь, кажется, исходя из рамок понимания Кастельса. В основе их понимания режима является представление, что Mingong (крестьянский работник) не может свободно передвигаться и работать по желанию, и именно в этом состоянии полу-автономии находятся свободы трудящихся женщин (Smith and Pun, 2006: 1461). Транснациональная компания Китая по производству электроники, например, в состоянии заработать на этом, чтобы удовлетворить спрос на транснациональный капитал. Это является национальной рабочей силой и неустойчивым размещением в общежитиях труда (Smith and Pun, 2006: 1462-1465). Кроме того, авторы развивают наше понимание, выделив вертикальное неравенство, которое существует в цепи компании. Их пример субконтракции цепи Китая обнаружил, что положения, содержащиеся на вершине управления Гонконга и канцелярского персонала чрезвычайно отличался с бедными и антисанитарными условиями для производственных рабочих в нижней части иерархии (Smith and Pun, 2006: 1464). До предоставления образца Кастельса, Смит и Пун (2006) украшают наше понимание процесса глобализации.

Смит и Пун (2006), однако, рассматривают однородную рабочую силу Mingong (Pun 2004: 32), как «работниц» и даже «молодой класс полупролетариата». Эффектом этой гомогенизации является то, что наше понимание гендерных ролей в рабочем процессе скрыто. Использование Смитом и Пуном гендерных вопросов похоже на неомарксистское понимания Буравого. Буравой (1985: 14) видит родство, этническую и гендерную принадлежность как «мягкие опоры» для рабочих. Далекий от того, но необходимый для процесса самого производства, гендер в каком-то смысле является идентичностью, оставаясь в рамках более широкой категории класса (Burawoy, 1985: 14). Эта перспектива, следовательно, ограничена, демонстрирует всех Mingong как равных, но и как безликих жертв трудовой фрагментации. Привязанность к классу в качестве общего контроля и сопротивления скрывает сложность гендерных исследований. Другие гендерные проблематики, однако, могут выйти за рамки этого ограничения и выйти за рамки понимания Кастельса, Криниса (2002: 159) с концепцией «двойного режима труда» в Малайзии, и Ли (1998) со сравнением фабрик Гонконга. Они делают это, потому что они пытаются выяснить различия между горизонтальным положением женщин-работниц. Кринис (2002: 157) в соответствии с рамками сетевого общества Кастельса, отмечает, что в Селангоре малайзийские фирмы сократили расходы путем перехода от завода на домашнее задание. Наличие домашнего задания в соответствии с Кринисом (2002: 159) создало большой переход на непостоянную работу рабочей силы, где преобладают замужние женщины, оплачиваемые по сдельной системе по более низким ставкам и получением нескольких пособий. Кроме того, крайне низкие показатели в домашней работе будут выступать в качестве дальнейшего отстаивания фрагментированного видения Кастельса, в котором работники не могут объединиться против организатора капиталистической системы (Crinis 2002: 163). Хотя это является правдой, что эти доказательства указывают на существование фрагментации труда, видение Кастельса детерминировано и оставляет мало места для мысли, что выбор работника или его предпочтение может выступать фактором в процессе производства. Это, в конце концов, зависит от предпочтений женщины, чтобы остаться и на работе, и дома, с балансом семейной жизни в Селангоре (Crinis, 2002: 159). Точно так же, как ранее, исследование Ли предполагает, что система транснациональных компаний находится в диалоге с предпочтениями работника. В Шэньчжэне молодая незамужняя женщина имеет очень различные потребности, чем старшая замужняя женщины в Гонконге, однако таким разным представителям женственности помогают режимы выбора (Lee, 1998: 83). Эти гендерные аспекты, связанные с режимами стресса и

диверсификации между женщинами, вызывает осознание того, что решение транснациональных компаний не может быть одинаково понято для всех в интересах экономической эффективности труда и управления. В Китае и Малайзии есть свидетельства конструктивного диалога между реальными людьми и их рабочим местом, что, в некоторой степени, определяет не только условия их работы, но и структуру производства компаний. Выбор женщин остаться дома, чтобы работать в Селангоре, играет важную роль в построении «двойного режима труда» (Crinis, 2002: 159), где заводская работа и домашние задания сосуществуют. Более того, это ставит под сомнение такие основы, как у Кастельса, который предполагает фрагментацию труда и диверсификацию в качестве доказательства великой стратегии транснациональных компаний по контролю за своими работниками.

В 2007 году Пэнни Гриффин объявил с уверенностью, что «гендерный анализ института политической экономики является абсолютно центральным для полного понимания и объяснения процессов и практики глобальной политической экономики» (griffin, 2007: 719). Это, однако, верно только до определенной степени. Гендер как форма анализа в институте политической экономики по-прежнему испытывает влияние Маркса и марксистской классификации. Это продолжение привязанности к окончательной категории класса, которая может обеспечить «гендер» только кратким улучшением нашего понимания глобализации. Гендерные перспективы однако, выходят за рамки класса и других всеобъемлющих категорий, демонстрирующих гендер как решающее направление в обществе, и находятся в уникальном положении, чтобы принять изучение института политической экономики в качестве основы движения к новым горизонтам. Самое главное то, что когда изучение глобализации продолжает движение вперед, в новую область, гендерная проблематика может выступать в качестве вечного напоминания о том, что великие экономические события никогда не бывают отличными от реальных людей, которые делают реальный выбор.

Перевод Алины Терехиной.